

Филипп
Доллингер

ГАНЗЕЙСКИЙ
ТОРГОВАЯ ИМПЕРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
**от Лондона и Брюгге
до Пскова и Новгорода**
СОЮЗ

Филипп Доллингер Ганзейский союз. Торговая империя Средневековья от Лондона и Брюгге до Пскова и Новгорода

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48800518

*Ганзейский союз. Торговая империя Средневековья от Лондона и Брюгге
до Пскова и Новгорода / Доллингер Ф., Пер. с англ. Л.А. Игоревского:*

Центрполиграф; Москва; 2020

ISBN 978-5-9524-5407-1

Аннотация

Ганза – или Ганзейский союз купечества торговых городов на севере Германии – уникальное явление европейской жизни XII–XVII вв. Ганзейские купцы снабжали Запад русскими мехами и воском, польской пшеницей, венгерской и шведской медью. На Восток они возили фламандское, голландское и английское сукно, французские и португальские соль и вина. Во многом благодаря им Скандинавия и Восточная Европа познакомились с западной литературой, готической архитектурой и живописью эпохи Возрождения. В течение 500 лет Ганза способствовала налаживанию экономических, политических, общественных и

культурных связей между Западной и Восточной Европой. Об этом подробно, на основе многочисленных оригинальных документов, рассказывает в своей книге историк, профессор Страсбургского университета Филипп Доллингер.

Содержание

Введение	7
Часть первая	17
Глава 1	17
Торговля в Северной Европе	17
Политические, религиозные и демографические факторы	28
Рост городов	33
Глава 2	44
Основание Любека	44
Готландское сообщество	53
Экспансия на Русь и в Ливонию	57
Основание немецких городов на Балтике	65
Экспансия в Скандинавию	73
Торговая экспансия на Запад	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Филипп Доллингер Ганзейский союз. Торговая империя Средневековья от Лондона и Брюгге до Пскова и Новгорода

Philippe Dollinger
The GERMAN HANSA

Введение

Ганзейский союз, который начинался как объединение северогерманских купцов, а в середине XIV в. превратился в содружество городов, – уникальная организация в истории Средневековья. Правда, в тот период союзы городов не были редкостью; они существовали как в Германии, так и в Италии. Но ни одно такое объединение не просуществовало так долго и не распространилось так широко, как Ганза. В дни расцвета в Ганзейский союз входили почти 200 городов – как приморских, так и расположенных вдали от моря. Сфера влияния Ганзейского союза простиралась от залива Зейдерзе на западе до Финского залива на востоке и от Тюрингии на юге до Балтийского моря на севере. Более того, прочие городские объединения создавались в политических целях, для защиты автономии и конституции входивших в них городов. Главными же целями образования и существования Ганзы являлись защита своих купцов в зарубежных странах и развитие торговли. Такие цели не помешали Ганзе подменить собой слабую имперскую власть; таким образом, она превратилась в передовую политическую силу в Северной Европе, способную вести победоносные войны с соседними государствами. Правда, войны, которые вела Ганза, всегда преследовали экономические цели.

Тем не менее Ганза оставалась необычной организаци-

ей, которая озадачивала правоведов своего времени. Она не считалась суверенным государством, так как существовала в рамках Священной Римской империи, а входившие в ее состав города в той или иной степени сохраняли верность местным правителям, как духовным, так и светским. Ганза была аморфной организацией; ей недоставало правового статуса. В ее распоряжении не было ни собственных финансов, ни собственных армии и флота. Ганза не имела ни общей печати, ни чиновников, ни органов власти, за исключением Ганзейского собора (Hansetag), да и тот созывался редко, через неравные промежутки времени, и на нем ни разу не присутствовали представители всех городов.

Но несмотря на такие структурные недостатки и столкновение интересов, неизбежное в союзе столь разных и столь далеко расположенных друг от друга городов, Ганза сумела просуществовать почти 500 лет. Тайну ее долголетия следует искать не в принуждении, которое не играло заметной роли, а в объединявшем членов союза стремлении к реализации общих интересов. Их солидарность основывалась на желании контролировать торговлю на севере Европы. Историческая функция Ганзы на самом деле заключалась в том, чтобы снабжать Западную Европу теми продуктами Восточной Европы, в которых она нуждалась, а взамен снабжать Восточную Европу некоторыми предметами первой необходимости, главным образом сукном и солью, из Западной Европы. Пока продолжалась такая экономическая взаимозависи-

мость, Ганза сохраняла жизнеспособность.

Историю Ганзы можно датировать с известной степенью точности с середины XII до середины XVII в. Ее зарождение отмечено основанием на вендской территории около 1159 г. города Любека, западноевропейских ворот на Восток. Любек вскоре стал, и впоследствии оставался, главой Ганзы – не только по причине выгодного географического положения на Голштинском перешейке, между Балтийским и Северным морями, но и благодаря предприимчивости его жителей. Вскоре в новом городе обосновались немецкие купцы из Нижней Саксонии, Вестфалии и Рейнской области и, по примеру скандинавов, начали торговать с другими странами. В тот период Балтийское море считалось не замкнутым пространством, ограниченным обледеневшими берегами, а в первую очередь торговым путем, который предоставлял легкий доступ к русским рекам. Далее можно было попасть на крупные рынки Новгорода и Смоленска, куда по длинным и трудным дорогам поступали редкие и драгоценные товары из дальних стран, с берегов Белого моря, а также из Византии и мусульманских земель.

Немецкие купцы не только торговали по всему балтийскому побережью, но и активно закладывали новые города, создаваемые главным образом для торговли. В новых городах они обеспечивали себе преобладающее влияние. В то же время купцы осваивали и Северное море. По нему ходили в Норвегию, Нидерланды и Англию, где они укрепляли дав-

ние торговые связи между Кёльном и Лондоном. К середине XIII в. ганзейские купцы обладали почти торговой монополией на обоих морях. Их коммерческая деятельность велась вдоль большой оси Новгород – Ревель – Любек – Гамбург – Брюгге— Лондон. В XIV в. они расширили и развили сухопутные торговые пути, связывавшие их с югом Германии и Италией. Кроме того, налаживались морские связи с атлантическими портами Франции, Испании и Португалии.

Однако именно в то время во многих странах проявились первые признаки сопротивления экономическому подъему Ганзы. Новые конкуренты, особенно голландцы и жители юга Германии, успешно бросали вызов ганзейской монополии. Главным образом для того, чтобы отразить эту угрозу, в третьей четверти XIV в. Ганза из объединения купцов превратилась в объединение городов. В таком виде союзу легче было отстаивать интересы своих участников за рубежом. Несмотря на ряд выдающихся успехов, усилия Ганзы не только в экономике, но и в политике не сумели помешать экспансии конкурентов. К началу XVI в. упадок Ганзы стал очевиден всем. Однако важно точно очертить суть этого упадка. Так, он не затронул судьбу самих городов; некоторые из них, например Гамбург и Данциг, в начале Нового времени даже переживали заметный рост и процветали. Не наблюдалось и спада в объеме торговли, которая в целом считалась успешной. Вот лишь один пример: экспорт зерна из Померании, Пруссии и Польши достиг беспрецедентных цифр. Но

все большую долю в растущем товарообороте захватывали новички. Экономическая структура Ганзы плохо приспособлялась к новым условиям. Кроме того, Ганза больше не обладала достаточным политическим влиянием для того, чтобы противостоять монархиям того времени. Поэтому участники Ганзейского союза невольно задавались вопросом, не влечет ли за собой принадлежность к сообществу, при всех жертвах, которые подразумевало участие, больше недостатков, чем достоинств. Начиная с того времени, несмотря на несколько достойных попыток вернуть утраченные позиции, Ганза была обречена.

Датой ее роспуска можно считать 1630 г., когда был заключен более тесный союз между Любеком, Гамбургом и Бременом. Этот союз фактически занял место Ганзы. Однако обычно датой роспуска Ганзы принято считать 1669 г., когда в последний раз заседал Ганзейский собор (Gansetag) и последняя попытка восстановления Ганзейского союза не достигла успеха.

Это великое объединение, сначала купцов, а затем городов, получило название, которое сохранилось в веках, – Немецкая ганза, Наша Theutonicorum, dudesche Hense. Уже в Средние века появилось множество домыслов относительно происхождения и значения слова «ганза». Теории выдвигались самые причудливые. Слово германское и очень древнее, оно встречается еще в Готской Библии Вульфилы, где использовано в значении «отряда воинов». В XII и XIII вв.

слово «ганза» было распространено довольно широко, от Сены до Эльбы, а также на юге Германии; оно относилось к купцам, иногда к группам купцов за границей, платившим подати. Именно в этом смысле в начале XIII в. слово употреблялось применительно к участникам «Фламандской ганзы» в Лондоне. Вначале она тоже была объединением торговцев, а затем превратилась в объединение городов.

И лишь сравнительно поздно группы купцов севера Германии стали, в свою очередь, называться «ганза». Впервые данное явление прослеживается в Англии, в королевской грамоте от 1267 г.: судя по всему, купеческие союзы называли так потому, что их устав был аналогичным уставу «Фламандской ганзы» в Лондоне. Вскоре после того «ганзами» стали называть также небольшие группы гамбургских купцов в Утрехте и Осткорке, а также купцов из Любека в Хукена-Звейне. С Запада название постепенно распространялось на другие ганзейские регионы. Однако лишь в 1343 г. король Норвегии и Швеции, обратившись в письме к *universos mercatores de Nossa Theutonicorum*, впервые применил слово «ганза» ко всему сообществу северогерманских купцов, а не просто к отдельной их группе в какой-то зарубежной стране, вскоре после чего Ганза превратилась в союз городов. Судя по всему, даже после своего образования союз еще довольно долго не назывался Ганзой, что, впрочем, не помешало ему стать главной, единственной и неповторимой Ганзой, а его скромные предшественники были забыты.

Здесь следует остановиться на одной терминологической проблеме, а именно: какое слово лучше описывает отношения входивших в Ганзу городов, одновременно свободные и довольно тесные? В немецком, английском и французском языках употребляется слово «лига». Оно способно ввести в заблуждение, так как «лига» подразумевает общественное или политическое объединение, чем Ганза не являлась. Более того, многочисленные лиги, как общего характера, так и региональные, создавались внутри самой Ганзы. Они образовывались с конкретными целями и на заранее оговоренные сроки. Но они никогда не были тождественны Ганзе, и необходимо всегда помнить разницу между двумя типами таких объединений. Более того, даже в Средние века Ганза отказывалась признавать применительно к себе такие определения, как «общество», «лига» или «собрание». Можно употребить такие расплывчатые термины, как «Ганзейское объединение» или «корпорация»; но лучшим решением было бы, несомненно, принять термин «Ганзейское сообщество» или «Ганзейский союз», не забывая о том, что они включают в себя такие оттенки значения, употребительные в Средние века, как *communis mercator*, *der gemene kopman*, *die gemene stete* («купечество», «купцы вообще», «все купцы», «все города»).

К концу XVIII в. о Ганзе почти совсем забыли. Интерес к ее истории возродился в начале XIX в., после издания первой посвященной ей крупной монографии Георга Сарто-

риуса (1803–1808). Систематические исследования Ганзейского союза появились главным образом после публикации таких крупных коллекций источников, как «Любекский реестр», собрание «Ганзейских протоколов» (Hanserezesse) и «Ганзейских актов» (Hansisches Urkundenbuch). Наверное, еще более важной стала начатая в 1871 г. публикация обзора Hansische Geschichtsblätter, подлинной опоры ганзейской историографии. Обзор выходил регулярно со времени своего основания, кроме периода Второй мировой войны.

Позже историей Ганзы занимались многие ученые. Среди них следует упомянуть Карла Копмана, Вильгельма Штида, Дитриха Шефера, Эрнста Денелла, Вальтера Штайна, Вальтера Фогеля, Фрица Рёрига и Пауля Йохансена.

Думается, излишне указывать, что нарисованный ранее образ Ганзы, по крайней мере некоторых ее аспектов, претерпел существенные изменения. Главным образом это произошло из-за довольно свободной, почти расплывчатой структуры сообщества. Так, одно время «настоящей» Ганзой считалась лишь Ганза городов, а на все, что предшествовало ее образованию, смотрели как на своего рода предысторию, на организацию в процессе созревания. Теперь признано, что сообщество купцов в XII в. так же олицетворяло Ганзу, как и сообщество городов в XIV в. Сходным образом расцвет Ганзы относили к разным периодам. Некоторое время принято было считать, что расцвет Ганзы насту-

пил чуть раньше середины XV в.; в то время ганзейское сообщество в самом деле включало самое большое число городов и вело торговлю вплоть до самой Португалии. Однако современные историки склоняются к мнению, что период расцвета сообщества лучше передвинуть на последнюю треть XIV в., сразу после образования Ганзы городов и победоносного Штральзундского мира. Именно с того времени Ганза решительнее сохраняла уже полученные преимущества с помощью выработки сложной системы законов и правил, чем занималась новыми приобретениями. Ее конкуренты уже начинали оспаривать ее превосходство не только в своих странах, но и в пределах самих ганзейских владений. Короче говоря, при датировке периода расцвета сейчас больше принято полагаться на внутренние критерии. Наконец, если в авангарде изучения Ганзы всегда шла экономическая история, что вполне естественно, внимание ученых главным образом сосредотачивалось на экономической политике, более легкодоступной благодаря многочисленным уставам и указам. Однако с некоторых пор растет интерес и к количественным показателям, которые помогают точно оценить объем торговли. В результате возродилось внимание к последнему этапу истории Ганзы, которым ранее несколько пренебрегали, поскольку именно к тому периоду относятся больше всего документов, связанных с данной областью исследований. Самыми ценными из них стали знаменитые «зундские сводки», где приведены декларации об уплате по-

шлин за проход через пролив Зунд (Эресунн).

Наконец стало принято считать, что узконациональный подход не самый лучший для изучения данной темы и Ганзу не следует рассматривать как исключительно немецкое явление. Ученые стараются показать, что Ганза дала странам, с которыми она торговала, и какую роль играла в их культурном развитии.

Часть первая

От Ганзы купечества к Ганзе городов (XII–XIV вв.)

Глава 1

Северная Европа в первой половине XII в.

Торговля в Северной Европе

Северное и Балтийское моря можно назвать северным аналогом Средиземного моря. Эти три моря обеспечивали устойчивую связь между Востоком и Западом, хотя на севере маршрут затрудняла конфигурация побережья, из-за чего корабли вынуждены были пускаться в долгий обходной путь вокруг мыса Гренен и через Датские проливы.

В первой половине XII в. немцы еще играли относительно скромную роль в коммерции на двух северных морях, которым через несколько лет суждено будет всецело подчиниться их владычеству. И на Северном море, и на Балтике в то время господствовали скандинавы. Шире всех там раз-

вернулись норвежцы. Самую активную торговлю они вели с Англией, особенно с Бостоном, благодаря многочисленным колониям, которые там основали викинги. То же справедливо и в отношении Ирландского моря, которое, благодаря многочисленным скандинавским поселениям на обеих сторонах Бристольского залива, превратилось поистине в «норвежское озеро». Помимо того, норвежцы и датчане регулярно торговали с континентальной Европой. Они посещали Бремен и Утрехт, где их присутствие отмечено с 1122 г., Кёльн и, возможно, продвигались даже дальше, во Фландрию и Нормандию. На Западе они добирались до Исландии и Гренландии, на Востоке ходили почти по всему Балтийскому морю. На быстроходных судах, длинных и узких, они перевозили продукцию своих стран, в первую очередь вяленую рыбу, шкуры и кожу, соленое масло, древесину, а также восточные товары, которые они привозили из балтийских портов. Такая коммерческая деятельность – в то время, судя по всему, она еще не находилась в кризисе – во многом носила сельский характер, хотя постепенно сосредотачивалась в новорожденных городах, в Бергене и Трондхейме на атлантическом побережье, а также в Осло и Тёнсберге на проливе Скагеррак.

На южных берегах Северного моря самыми активными были фламандцы, чья торговля расширялась, и фризы, чья торговля приходила в упадок. Фламандцы торговали главным образом с Англией. Из Виссана, Брюгге и Аарденбур-

га они совершали рейсы в Лондон, где у них имелась собственная ассоциация, Лондонская ганза. Фламандцы продавали главным образом свое сукно, производство которого росло, а также, возможно, уже в то время, французское вино. Назад они везли шерсть, необходимую для их текстильной промышленности, а также олово, свинец, кожи и шкуры, купленные напрямую у производителей. Начиная с того времени самым крупным торговым центром Нидерландов становится Брюгге. Наряду с фламандскими купцами большую активность проявляли купцы из областей вокруг Мааса, то есть из Юи, Льежа, Нивеля и Динана. Они возили в Англию рейнское вино, металлические изделия, драгоценные камни, предметы роскоши из Регенсбурга или даже Константинополя и доспехи из Майнца. В одном английском указе примерно от ИЗО г. излагаются условия, при которых «лотарингцы» могут ввозить и продавать свои товары в Лондоне.

Кроме того, фламандцы торговали с Северными Нидерландами, с Северной Германией, со Шлезвигом и, возможно, со Скандинавией. Но главенствующее положение в тех краях по-прежнему занимали фризы, которые развивали торговлю на Балтике. К концу XI в. в шведской Сигтуне существовала фризская гильдия. По не до конца выясненным причинам влияние фризов постепенно ослабевало. Возможно, главную роль сыграла нелюбовь фризов к городской жизни в то время, когда город становился главной движущей силой хозяйственной деятельности. Как бы там ни было, постепенное

схождение фризов со сцены – через 200 лет их роль взяли на себя голландцы – предоставило ганзейским купцам выгодную возможность. Они сумели воспользоваться уходом фризов и занять их место, став главными двигателями судоходства и торговли на Севере. Тиль, который в XI в. еще процветал, в XII в. пришел в упадок, что доказывает и перевод имперской таможни в Кайзерверт. Тиль уступил свое место конкуренту, Утрехту. Благодаря выгодному географическому положению Утрехт лучше подходил и для речного судоходства. Его все чаще посещали фламандцы, жители Рейнской области, Саксонии, а также датчане, норвежцы и даже сами фризы. Кроме того, часть товарооборота Тилия перешла к Ставорену на заливе Зейдерзе.

право проживать в Лондоне, хотя купцам из Тиля и Бремена отказали в таком праве. В какое-то время – точная дата неизвестна – они приобрели дом на берегу Темзы, расположенный выше Лондонского моста по течению. Там они устроили свою штаб-квартиру, и там находилась колыбель будущей ганзейской фактории (*конторы*). В 1157 г. Генрих II взял кёльнских купцов, их товары и их поселение под особую защиту, предоставив им право продавать свое вино на том же рынке – то есть на тех же условиях, – что и французское вино¹. В то время рейнское вино на самом деле составляло основной товар кёльнцев, хотя к нему следует добавить металлические изделия и доспехи, производимые в Кёльне. В обратные рейсы грузили главным образом шерсть и, в меньшей степени, металлы и продукты питания.

Желание торговать вело кёльнских купцов не только на запад, но и на северо-запад, в Данию. Там они закупали товары и продукты с Востока и продавали свое вино и, как можно предположить, фламандское сукно, а также известковый туф из Андернаха, который применялся при строительстве нескольких датских церквей, особенно собора в Рибе. Вначале уроженцы Кёльна нанимали фризские суда, но позже все чаще вели торговлю на собственных кораблях. О росте интереса Кёльна к морю свидетельствует его участие в Крестовых походах XII в. А в 1102 г. в составе христианского флота, ставшего на якорь у Яффы, упоминаются корабли из

¹ Документ № 2.

низовьев Рейна под командованием некоего Хадеверка, уроженца Вестфалии. В 1147 г. корабли из Кёльна образовали основной костяк немецкого контингента, который примкнул к английской и фламандской эскадрам в Дартмуте и принял участие в захвате Лиссабона перед отплытием в Святую землю.

Не меньшую активность, чем Кёльн, проявлял Бремен. Примерно в 1025 г. Адам из Бремена, который, судя по всему, был склонен к преувеличениям, написал, что «купцы со всего света встречаются в Бремене». Особенно оживленная торговля велась со Скандинавией, которая входила в церковную провинцию Бремена. Торговые отношения продолжались и после учреждения в 1104 г. архиепархии в Лунде: в конце XII в. король Норвегии жаловался на чрезмерное количество вина, которое немцы разгружали в порту Бергена.

В тот же период оживленная торговля велась и на Балтике. Из Балтийского в Северное море попадали чаще не долгим путем через Гренен, а через Шлезвигский перешеек. Корабли с запада плыли вверх по течению реки Айдер и разгружали свои грузы в Холлингштедте; затем либо грузы посуху перевозили в Шлезвиг, либо сами суда волоком доставляли в устье реки Шлей, проделывая путь примерно в 15 км. В середине XI в., после уничтожения Хедебю западнославянскими отрядами, Шлезвиг стал важным торговым центром всего региона. В некотором смысле он стал первым прототипом Любека как западноевропейского порта на балтийском побе-

режье. Здесь фризские, саксонские и, возможно, фламандские торговцы встречались с датскими, шведскими и русскими купцами.

И все же балтийская торговля главным образом находилась в руках обитателей Готланда. В XI в., после обращения его жителей в христианство, остров приобрел большое военно-морское и торговое значение. На Готланде не возникали крупные города. Там были больше развиты сельское хозяйство и морская торговля. Судя по всему, коммерческая деятельность сводилась к нескольким временным поселениям, окруженным деревнями и обнесенным земляными валами. Одно из таких поселений находилось на месте будущего Висбю, лучшей гавани на западном побережье острова.

Похоже, что фермеры-моряки Готланда совершали рейсы во все края. Их можно было встретить и в центральной части Швеции, где они наносили регулярные визиты в Сигтуну, занявшую место Бирки на озере Молар. Но прежде всего они ходили в русские земли традиционным путем «из варяг в греки» и там вели обширную торговлю. Набеги викингов прекратились после XI в.; теперь скандинавы торговали главным образом с Новгородом, который тогда подходил к пику своего расцвета. Готландцы основали там торговую факторию и построили церковь Святого Олафа, которая впервые упоминается около 1080 г. «Готский двор» вскоре приютил и германцев, которые затем создали такое же собственное учреждение, «Немецкое подворье» или «Двор Свя-

того Петра» (Peterhof). Готландцы возили в Новгород товары стран Запада, в том числе фламандское сукно – ипрское сукно упоминается около ИЗО г., – а назад везли меха и воск, а также восточные предметы роскоши, ввезенные из Византии, Киева и Смоленска. Кроме того, они, возможно, находили те же товары в факториях на южном побережье Балтийского моря, в Штеттине и Юмне на реке Одер, где Адам из Бремена упоминает присутствие греческих купцов, а также в Трусо в устье Вислы. Возможно, готландцы совершали каботажные рейсы и вблизи Самбийского полуострова в поисках янтаря. Кроме того, они все чаще ходили в Саксонию. В 1134 г. император Священной Римской империи Лотарь III предоставил им освобождение от таможенных пошлин и свою защиту «на территории всей Священной Римской империи»: они попадали туда либо через Шлезвиг, либо напрямую через вендские земли, если там не наблюдалось междоусобицы. Судя по большому количеству английских монет, зарытых на острове в XI в., готландцы добирались до самой Англии.

На Балтике торговали не только скандинавы. В первой половине XII в., вследствие возвышения Новгорода, там значительно, хотя и на короткое время, выросло присутствие русских купцов. Особую активность русские «гости» проявляли на острове Готланд, где обнаружены остатки православных церквей, а также в Штеттине, который часто посещала группа новгородских купцов. Более того, в Новгородской летописи

си упоминается, как русских купцов в 1134 г. ограбили в Дании; то же самое повторилось 20 лет спустя, во время династических войн. Помимо русских, следует упомянуть торговые вояжи вендов с Рюгена, а также пруссов и эстонцев, которые, однако, не отходили далеко от своих берегов. Несмотря на то что их присутствие в Штеттине и Шлезвиге хорошо задокументировано, немцы, судя по всему, не играли большой роли в торговле на Балтике до основания Любека.

Зато сухопутная торговля на Северо-Германской низменности, что вполне естественно, находилась главным образом в руках немцев. Однако на северо-западе они сталкивались с жесткой конкуренцией со стороны фламандцев и купцов из области Мааса. Самую большую активность проявляли купцы из Гента, которые приезжали в Кёльн, чтобы обменять свое сукно на пшеницу и вино. Они часто выбирались и за пределы Кёльна, либо на восток, за медью из Гарца, либо на юг, в сторону Кобленца, где покупали вино непосредственно у производителей. Но начиная с середины XII в., когда архиепископ сделал Кёльн главным рынком, поездки гентцев вверх по Рейну прекратились. Кроме того, на Кёльнскую августовскую ярмарку приезжали купцы из Мааса, из Льежа, Юи и Динана; они привозили свои металлические изделия. Отмечено также присутствие торговцев из Вердена, хотя о природе их сделок ничего не известно; их главное занятие, работоторговля, в начале XI в. подошла к концу.

Уроженцы Кёльна считались самыми предприимчивыми

из немцев. И пусть до конца XI в. они редко отваживались выбираться на запад, тем не менее они активно действовали на юге и востоке. Они богатели в основном благодаря вину, за которым ездили в Рейнскую область и Эльзас. Однако их можно было встретить и в Австрии, на рынке в Энее, где они продавали вяленую рыбу и сукно, а покупали кожи, воск и, возможно, венгерскую руду. На востоке их, как и фламандцев, особенно привлекали медь и серебро Гарца. Эти металлы, на которые существовал большой спрос, вывозились во все стороны. Отчасти металлы вывозили сами саксонцы, главным образом на запад, по великому торговому пути Магдебург – Гослар – Зост – Дортмунд – Кёльн. К концу XI в. в Госларе, как и в других растущих городах Нижней Саксонии и Вестфалии, развивалась металлическая промышленность, продукция которой поставлялась на дальние рынки. Севернее находились соляные копи Люнебурга, известные с X в. Оттуда соль отправляли в Рейнскую область; впрочем, объем тогдашней торговли солью невозможно оценить. Кроме того, купцы из саксонских городов регулярно наведывались в Шлезвиг. В Зосте в конце XIII в. упоминается некое «шлезвигское братство»: такой термин мог войти в обращение только до основания Любека.

На Эльбе, пограничной реке Священной Римской империи, находились два города, которые имели важное значение для торговцев. Одним из них был Бардовик. Там саксонские купцы переходили реку вброд практически в по-

следней точке перед тем, как она впадала в море, по пути на вендскую территорию. Особенно часто они ездили на остров Рюген, где покупали рыбу. Бардовикские таможенные пошлины, назначенные императором и взимаемые герцогом Саксонским, приносили значительный доход имперской казне. Вторым таким городом стал Магдебург, важный центр миссионерской деятельности в языческих странах за Эльбой. Там же находился центр материковой водной транспортной системы, которая играла важную роль в войнах против вендов. Процветающий купеческий квартал Магдебурга служил местом встреч для саксонских и славянских торговцев. Очевидно, Магдебург в то время был оживленным торговым центром, хотя мы почти не располагаем точными подробностями того, какого рода сделки там заключались.

Итак, в первой половине XII в. на севере Европы торговали купцы из разных стран. Хотя немцы и проявляли некоторую инициативу, они играли в торговле относительно скромную роль. Лишь самые прозорливые люди могли предвидеть, что через сто лет обстоятельства круто переменятся в их пользу.

Политические, религиозные и демографические факторы

В начале XII в. граница Священной Римской империи и христианского мира в целом приблизительно проходила по

рекам Эльбе и Заале, как и за триста лет до того. Несмотря на отдельные успехи, проваливались предпринимавшиеся в X и XI вв. попытки, направленные на то, чтобы подчинить восточные территории и обратить их население в христианство. Вначале Оттон I Великий организовал марки за Эльбой. Он же учредил в Бранденбурге и Хафельберге епархии, которые входили в церковную провинцию бременской архиепархии. Но все усилия свелись на нет к концу X в., когда поражения Оттона в Италии вызвали восстание славян.

Между Эльбой и Одером жили различные славянские племена, которые никогда не объединялись в сколько-нибудь обширный политический союз: вагры в восточном Гольштейне, бодричи в Мекленбурге, померанцы на Оudere, лютичи, самые многочисленные и самые беспокойные, в Бранденбурге, гавеляне на реке Хафель. Эти языческие племена, раздираемые междоусобицами, но привыкшие к войне из-за постоянных битв с саксами, очень ревностно относились к своей независимости. Завоеванные, они переходили в христианство и платили дань; как только опасность проходила, они отказывались и от первого, и от второго.

Весь XI в. немцы почти не добивались успеха, тем более что после прекращения Саксонской династии императоры утратили интерес к этим регионам. Представителей Салической (Франконской) династии, выходцев с юга Германии, больше занимала Италия и борьба за инвеституру; ни Генрих IV, ни Генрих V не хотели и не могли вторгаться за пре-

дела Гарцских гор.

Единственным устойчивым результатом Саксонской династии стало учреждение польской церкви, которая сохранилась благодаря обращению правящей династии. Впрочем, с политической точки зрения такой результат приносил лишь небольшие преимущества: после основания архиепархии в Гнезно в 1100 г. польская церковь освободилась из-под германского влияния. Весь XI и начало XII в. польские князья, как вассалы Священной Римской империи, так и независимые, стремились приобрести королевский титул и распространить свое влияние на народы, жившие между Одером и Эльбой, что порождало частые стычки в пределах империи. Таким же беспокойным оставалось и положение на севере. Королевство Дания, куда входили Шлезвиг, Ютландия, острова и Скания, находились, как принято было считать, под германским влиянием, поскольку датская церковь входила в архиепархию Бремен – Гамбург. Такая зависимость закончилась с созданием Лундской архиепархии (1104), но отношения между двумя поименованными областями оставались теплыми, так как они по-прежнему объединялись против разбойничьих набегов вендов.

Тем не менее с самого начала XII в. условия благоприятствовали постоянному продвижению немцев вдоль Эльбы. Миссионерские усилия удвоились. В регионе Одера епископ Отто Бамбергский, по наущению Болеслава Польского, между 1124 и 1127 гг. предпринял две миссии к померан-

цам. Его усилия увенчались успехом, несколько тысяч человек перешли в христианство, и для них построили церкви. В то же время архиепископ Бременский посылал миссионеров под руководством Вицелина в Гольштейн, главным образом в Старый Любек. Несмотря на то что успехи миссионеров перемежались набегам язычников, после 1140 г. христианство сделало решающий шаг вперед благодаря прибытию в те края многочисленных немецких поселенцев. Какое-то время принято было считать, что полномасштабная военная экспедиция окончится полным обращением местных жителей в христианство. В 1147 г. Бернар Клервоский повелел жителям севера Германии идти Крестовым походом на язычников-славян, хотя изначально поход замышлялся в Святую землю. Эльбу перешли две большие армии, при поддержке поляков и датчан, однако им не удалось захватить укрепленные поселения лютичей и бодричей. Они вынуждены были отступить, и великий Крестовый поход так и остался отдельным эпизодом.

С политической точки зрения правление Лотаря III, непримечательное в остальных отношениях, сыграло в том регионе решающую роль. Лотарь, ставший с 1106 г. герцогом Саксонским, получил обширные владения, и он действовал с властными полномочиями, каких не доставало его предшественникам. В 1125 г., когда он стал германским королем, он не пренебрегал интересами саксов. Он успешно вмешался в династическую борьбу в Дании; он добился подчинения мя-

тежных бодричских вождей, Прибыслава и Никлота, и в конце концов вынудил Болеслава приехать в Мерсебург и засвидетельствовать почтение от имени Померании и Рюгена. Но главное, он принял важные решения, которые окончились консолидацией восточногерманских территорий. Как герцог

Саксонии, в 1110 г. он сделал Адольфа I, графа Шауэнбурга, графом Гольштейна. Его сыну суждено было стать основателем Любека. В 1134 г., став императором Священной Римской империи, Лотарь передал Северную марку Альбрехту Медведю, который приступил к ее методичному завоеванию. Наконец, выдав свою дочь замуж за Генриха Гордого, он закрепил за своим зятем титул герцога Саксонского. В 1142 г. титул перешел к сыну Генриха, Генриху Льву. Таким образом, были основаны три династии, которым суждено было сыграть решающую роль в германской колонизации восточных земель. Если же вспомнить, что Лотарь III предоставил готландским купцам привилегии в герцогстве Саксония, возможно на взаимной основе, становится очевидным, что он был главным инициатором политической и торговой экспансии немцев.

Однако ни королевской воли, ни княжеского тщеславия, ни миссионерских проповедей было бы недостаточно для того, чтобы изменить природу извечного конфликта славян и немцев. Решающим фактором стала иммиграция нескольких сотен тысяч немцев, волны которой следовали одна за другой в XII–XIV вв. Перенаселенность запада Германии, рас-

тущее оскудение культивируемой земли, избыточное дробление крестьянских хозяйств в сочетании с освобождением крестьян от барщины привели в движение и поддерживали эмиграцию из всех западных регионов. В ней принимали участие жители Саксонии, Вестфалии, Рейнской области, а также голландцы, фламандцы и жители Франконии. Их привлекали обещание земли и перспектива быстрого преуспевания. Первая волна иммигрантов в середине XII в. главным образом направлялась в Гольштейн и Бранденбург. В знаменитом отрывке, написанном около 1170 г., Гельмольд из Босау описывает эту блестяще успешную колонизацию: «Теперь же, когда Бог одарил герцога нашего и других государей счастьем и победой, славяне частью перебиты, частью изгнаны, а сюда пришли выведенные от пределов океана народы сильные и бесчисленные, и получили славянские земли, и построили города и церкви, и разбогатели сверх всякой меры». Заселение земли крестьянами повсюду сопровождалось основанием купеческих городов, которые позже сделали возможным основание и рост Ганзы.

Рост городов

Развитие Ганзы фактически неразрывно связано с развитием городов. И по сути своей, и во всех своих проявлениях Ганза была городской. Ее рождение во второй половине XII в. совпало с концом долгого эволюционного процесса бо-

лее старых городов и началом основания новых городов, количество которых резко увеличилось в XIII в.

На северо-западе Германии почти все будущие ганзейские города, игравшие в союзе важную роль, были старинными, давно основанными. Их городская сущность развивалась постепенно в X–XIII вв. Развитие это описывают часто, но оно различалось в зависимости от места. Характерными признаками служат: рост населения в определенных благоприятно расположенных поселениях по мере того, как из сельской местности туда переезжали ремесленники, а купцы основывали постоянные учреждения; слияние в каком-то укрепленном месте купеческого квартала – который на севере Германии назывался *wiek* – и более старого административного центра, церковного или светского; создание единого свода законов, присущего для данного города и его обитателей, в котором особо оговаривались вопросы недвижимости и торговли; создание сообщества жителей самоуправляемого города, часто связанных воедино присягой; преобладающее влияние в данном сообществе (по крайней мере в важнейших центрах) купцов, иногда объединенных в гильдию; захват власти богатейшими семьями, или патрициат; растущая независимость города по отношению к местному лорду-феодалу; и, наконец, развитие административных учреждений во главе с жителями самоуправляемого города. В развитом, сформированном городе управляющим органом повсеместно становился совет (*Rat*), возникший лишь в самом конце

ХII в.

В обсуждаемом регионе старейшим городом, основанным еще в римский период, был Кёльн. Благодаря своей экономической значимости и раннему развитию Кёльн играл важную роль в росте городов на северо-западе Германии. Он заслуживает названия «матери немецких городов», данного Планицем.

В течение всего Средневековья Кёльн оставался средоточием интенсивной коммерческой деятельности. Новый этап в его развитии начался в эпоху Каролингов и вторжений норманнов. Между римским валом и Рейном вокруг просторной прямоугольной рыночной площади поселилась колония купцов. Главную роль в ней, несомненно, играли фризы. Впоследствии по этому образцу разбивали площади во многих других торговых городах. К середине X в. торговый квартал и город были обнесены защитным валом. С ростом населения, в начале XII в., возвели еще один вал, в пределы которого вошли новые поселения. Площадь города выросла до 197 гектаров. Эта цифра остается непревзойденной для всех современных Кёльну европейских городов, за исключением Константинополя. Ближе к концу века поселения обнесли еще одной защитной стеной; благодаря ей общая площадь города увеличилась до 401 гектара. В то же время совершенствовалась политическая структура Кёльна. Его обитатели, разделенные церковными приходами, объединялись под управлением купеческой гильдии в единое город-

ское сообщество, а его административным органом служили присяжные (Schoffen) архиепископского суда. Это сообщество в 1074 г. росло вокруг архиепископа; в 1106 г. горожане приняли общую присягу, которую шесть лет спустя признал сам архиепископ. Начиная с того времени город стал самоуправляемым. Им руководил влиятельный «клуб богатей» (Richerzeche), в который входили крупные купцы и владельцы недвижимости. У «клуба» имелась собственная печать, а к середине XII в. появилась ратуша; однако городской совет (Rat) появился лишь в 1216 г. Наконец, важным этапом экономического развития Кёльна стало формулирование уже в XI в., гораздо ранее, чем где бы то ни было, кодекса гражданских законов. Структура купеческой гильдии, права гильдии на рыночные здания и законы, связанные с недвижимостью, сильно повлияли на кодексы законов более новых городов по всей Германии. Конечно, не следует преувеличивать ту роль, которую сыграл Кёльн в развитии подобных учреждений в других городах. Вопреки ранее сложившемуся мнению, кёльнское право не настолько повлияло на городское право Зоста; гильдия не всегда играла решающую роль, как и коллегия Schoffen; главное же, что в нескольких городах на Рейне, а также в Зосте и Любеке, городские советы возникли раньше, чем в Кёльне. Тем не менее правда, что в основном Кёльн инициировал развитие городов на северо-западе Германии.

У городов на правом берегу Рейна не было римских

«предшественников». Обычно они возникали вокруг крепостей, воздвигнутых после завоевания Саксонии Карлом Великим. Ядром будущего города становились собор и епископский замок или королевский дворец, как в Дортмунде и Зосте. Многие из этих городских поселений в IX–XI вв. наделялись правом держать рынки, что вносило больший или меньший вклад в их развитие в зависимости от того, насколько выгодным было их географическое положение для экономического роста.

Подобно городам к западу от Рейна, хотя и несколько позже, эти средневековые города образовывались путем слияния светского или церковного «ядра» и купеческого квартала. Самым ранним примером такого слияния может служить Магдебург: стена вокруг города, заложенная Оттоном Великим, была закончена в 1023 г. В основном такое слияние происходило лишь в XII в., как в Госларе (1108), Дортмунде, Хильдесхайме, Бремене и Эрфурте (около 1150). Кроме того, в первой половине XII в., вскоре после Кёльна, там возникали сообщества жителей самоуправляемых городов, иногда наделенные важными административными функциями. В Зосте и Хальберштадте уже в 1105 г. жители управляли поставками продовольствия, палатой мер и весов и отправляли правосудие в случаях мошенничества, связанных с вышеуказанными сферами. Кроме того, они сами избирали судей и присяжных.

Решающим фактором в эволюции городов стало форму-

лирование городского законодательства, в котором местные обычаи сочетались с королевскими и феодальными правами и заимствованиями из зарубежных кодексов. Хотя до XIII в. такие кодексы законов не всегда записывались, некоторые из них восходят к первой половине XII в. В Вестфалии старейшим является Зостское городское право, которое распространялось на несколько соседних городов. Позже оно, хотя и с изменениями, было принято в Любеке, а оттуда распространилось по побережью Балтики вплоть до Эстонии. Дортмундский кодекс законов, в котором прослеживаются фламандское и рейнское влияние, был принят большинством городов Вестфалии. В Дортмунде находился верховный суд, который принимал апелляции и истолковывал законы. В Саксонии несколько городов к северу и югу от Гарца приняли госларское городское право. Но самой обширной сферой влияния обладал Магдебургский кодекс: с конца XII в. его приняли, с вариациями, несколько сотен восточноевропейских городов, где его считали по преимуществу «германским законом».

Конец XII в. стал временем появления новых городов, основанных в определенную дату и принявших через несколько лет все типично городские особенности. С топографической точки зрения их отличают от более старых городов более регулярная планировка и улицы, проложенные в шахматном порядке. Хотя тщеславие светских и церковных владык вызывало избыточный рост городов, лишь немногие из них

на левом берегу Эльбы способны были соперничать с крупнейшими старыми городами. Среди самых успешных новых городов следует упомянуть Липпштадт в Вестфалии, где было принято Зостское городское право. Липпштадт был основан в 1168 г. вассалом Кёльнского архиепископа. Кроме того, упоминания заслуживает Штендаль в Альтмарке, основанный Альбрехтом Медведем.

Однако не следует проводить слишком резкое различие между старыми и новыми городами. Развитие нескольких старых городов началось после появления за их стенами нового округа, или, по сути, города-близнеца. Так произошло с Люнебургом и – в первую очередь – с Гамбургом, который стал оживленным морским портом только после того, как Адольф III, граф Гольштейна, в 1188 г. основал купеческий город напротив архиепископского города.

Одной из отличительных особенностей севера Германии стало большое количество двойных или даже множественных городов. На одном и том же месте в разное время часто возникали два или три городских поселения, и их функции не всегда четко различались. Вместо того чтобы объединиться в единый город, они развивались независимо, и каждый сохранял собственную городскую стену, сообщество граждан и даже свой городской совет; слияние шло очень медленно и иногда перемежалось периодами регрессии. Самым примечательным примером такого развития служит Брауншвейг, где в Средние века находился самый крупный город

в Нижней Саксонии. На правом берегу реки Окер уже в X в. существовала торговая фактория, Alte Wiek, а на левом берегу главное место занимал герцогский замок и укрепленная церковь, вблизи которой в XI в. вокруг прямоугольной рыночной площади заложили торговый квартал (Altstadt). Во второй половине XII в. там основали два новых города, Хаген на правом берегу и Нойштадт на левом. Вплоть до 1296 г. в Хагене и Нойштадте существовали отдельные городские советы. Лишь в 1269 г. учредили единый городской совет для всех образований. Единый совет занимался делами, представляющими общий интерес. Однако и более старые организации продолжали свое существование; они были наделены полномочиями, подробных сведений о которых почти не сохранилось. Сходным образом, в Хильдесхайме было три города, каждый со своим советом: Альтштадт (XI в.), Даммштадт, квартал фламандских ткачей (конец XII в.) и Нойштадт (начало XIII в.). В Оснабрюке Старый город и Новый город (середина XIII в.) не объединялись до 1306 г., а в Гамбурге слияние произошло уже в 1215 г., менее чем через 20 лет после основания Нового города. Позже по подобному образцу развивались события на востоке Германии. Данная схема прослеживалась в Бранденбурге, Берлине – Кёльне, Данциге, Кёнигсберге и Ревеле.

До какой степени подобная схема развития городов была характерна для славянской территории до немецкой колонизации? Согласно одной ранней теории, ныне признан-

ной несостоятельной, городская жизнь во всем своем многообразии была привнесена на славянские земли немцами, которые закладывали города на девственной территории или рядом с простыми рыбацкими деревнями. Недавние исследования доказали: не только в Польше, но и в Мекленбурге – Померании в X–XII вв. вырастали городские центры в результате процесса, сходного с тем, что наблюдался в Западной Европе.

Благодаря археологическим находкам и летописям Адама Бременского (ок. 1075 г.) и Гельмольда из Босау (век спустя) можно заключить, что славянские города изначально представляли собой крепости, но, помимо военных и религиозных учреждений, они могли включать один-два неукрепленных торговых центра, в которых время от времени останавливались иностранные «гости» – фризские, германские или скандинавские купцы. О таких поселениях бодричей, как Ольденбург, Деммин или Ратцебург, известно мало, помимо их военной роли; однако в Зюзеле жила колония из 400 фризов, а в Старый Любек славянский князь Генрих в начале XII в. пригласил нескольких купцов и ремесленников, живших за крепостным валом XI в.

Относительно померанских городов мы располагаем более обширными сведениями. Помимо Бельгарда и Кольберга, упоминаемых как крепости, весьма оживленными центрами торговли были Юмне на острове Воллин в устье Одера, а также Штеттин. По словам Адама Бременского, пер-

вый считался «самым большим городом во всей Европе». Длина поселения составляла 4 км, а его обширные торговые отношения объясняют предположительное присутствие там «славян, греков, варваров и саксов». В начале XII в. город уже переживал упадок, но то, что христианские миссионеры в 1140 г. основали там епархию (которую вскоре перевели на другую сторону пролива), доказывает, что он сохранял некоторую значимость. Юмне идентифицируют со сказочной Венетой из скандинавских саг. Согласно легенде, из-за безнравственности его обитателей город поглотило море, но моряки иногда слышат его церковные колокола, которые звонят под водой.

В то время самым густонаселенным из померанских городов был Штеттин. Примерно в 1160 г. хронист Герборд насчитывал там 900 семей, то есть около 5 тысяч человек. Город защищал герцогский замок, вокруг которого, несомненно, обосновались несколько представителей аристократии (*primates*). Они управляли городом и созывали собрание «народа» по своему желанию. Наряду с укрепленным городом основывались колонии купцов, в которых, после миссионерских экспедиций Оттона Бамбергского, немцы становились еще многочисленнее. Сходные городские поселения за деревянными стенами были обнаружены и в Польше – в Познани, Гнезно, Калише, Бреслау и Кракове, – а также в Пруссии, в Трусо возле Эльбинга. Судя по всему, главным недостатком этих славянских городов было отсутствие ко-

декса законов, который защищал бы купцов. Этим объясняется популярность немецких законов, которые начиная с XIII в. принимали даже чисто славянские города. Возможно, именно поэтому, а также вследствие притока немецких колонистов, призванных местными правителями благодаря их предприимчивости в коммерции и ремесленному мастерству, в ганзейской сфере влияния новые города почти полностью стерли все следы более раннего городского развития.

Глава 2

Основание немецких городов на востоке и Готландского сообщества (ок. 1150 – ок. 1280)

Основание Любека

Ближе к середине XII в. миграция немцев на восток, начавшаяся за пятьдесят лет до того, внезапно ускорилаь. Подобно другим великим властителям, Адольф II фон Шауэнбург, граф Гольштейна и вассал Генриха Льва, герцога Саксонии, пожелал заселить свои земли и в конце концов подчинить себе язычников-бодричей, которые по-прежнему были хозяевами восточного побережья Гольштейна. По этой причине, говорит Гельмольд, он послал вербовщиков даже в Голландию и Фландрию, чтобы пригласить крестьян в больших количествах переселяться в Гольштейн. Те охотно откликнулись на его призыв.

В то же время граф решил основать торговое учреждение на побережье Балтики. Место для будущего города тщательно исследовалось. Вероятно, вначале выбор пал на Ольденбург, крупный вагрский центр. Основав там епархию, Оттон Великий приказал уничтожить старое поселение, и, хотя

позже его отстроили, оно прозябало почти в забвении. Однако то место оказалось слишком отдаленным. Гораздо лучше был расположен старый Любек на реке Траве; он находился чуть ниже по течению, чем будущий город. Его жители обратились в христианство, и город постепенно начал процветать. Но разрушение города в 1138 г. показало, что его довольно трудно защищать от врагов.

Наконец, Адольф II остановился на слиянии рек Вакениц и Траве, примерно в пяти километрах от разрушенного поселения. Место оказалось выбрано хорошо. Две извилистых реки почти целиком окружали продолговатый полуостров площадью около 135 гектаров; болотистые берега полуострова облегчали его оборону. Расположенный примерно в 20 км от устья Траве, город почти не рисковал стать жертвой случайного набега пиратов. Траве была достаточно глубока для того, чтобы по ней проходили корабли того времени, а выбранное место оказалось едва ли не самым узким на Голштинском перешейке, примерно в 50 км от Гамбурга: ему предназначено было привлекать купцов.

Гельмольд оставил нам красочное описание волнующей закладки нового города². Стремительный рост Любека возбудил зависть Генриха Льва, который как мог старался его уничтожить, сначала враждебными действиями, затем – основав конкурирующий город, который он назвал Лёвенштадтом, «Львиным городом». Однако вскоре события подтвер-

² Документ № 1.

дили, что Лёвенштадт заложили в неудачном месте. В конце концов герцог заставил своего вассала уступить свои права. С того времени новый Любек, основанный в 1158–1159 гг., быстро добился процветания, благодаря многим привилегиям, которые ему предоставили.

Хотя рассказ Гельмольда достаточно подробен, он не проливает света на многие проблемы, которые волнуют современных историков. Поскольку тогдашние источники совсем не раскрывают подлинные подробности основания города, нам приходится полагаться на документы позднейшего времени для изучения плана города и прибегать к сравнительному изучению грамот об основании других городов XII в. 50 лет назад Фриц Рёриг опубликовал свою знаменитую версию «консорциума предпринимателей». Он предполагал, что, подобно тому как происходило во Фрайбурге-им-Брайсгау, группа любекских купцов получила от герцога в совместное пользование все городское поселение на том условии, что они устроят на том месте торговый город. Затем группа купцов якобы поделила землю между собой, включая небольшие участки вокруг рыночной площади, которые сдавались ремесленникам. Данную точку зрения подтверждало изучение владений участками вокруг рынка, насколько ее можно было воссоздать с помощью городского земельного реестра, который, однако, составлен лишь в 1285 г., через сто с лишним лет после основания города. Наконец, на основании распределения собственности в конце XIII в., Рёриг

предположил, что патриции, то есть семьи, представленные в городском совете в тот период, вели свое происхождение от отцов-основателей.

Данная теория ранее получила широкое распространение, но сегодня частично опровергнута. По-прежнему кажется вероятным, что основание Любека стало результатом предоставления места группе поселенцев или их вождю: указ об основании Нового города Гамбурга (1188) дает точный отчет о таком процессе. С другой стороны, мнение о том, что земля некогда была в общем владении, в наши дни единодушно отрицается. Куда вероятнее, что участки – каждый размером около 100 на 25 футов – с самого начала находились в частном владении и за них платили оброк, который быстро отменили. Более того, Рёригу не удалось убедительно доказать связь изначальных поселенцев и патрициев, живших в конце XIII в.; нигде не подтверждается, что обширные городские имения знатных семей в том виде, в каком они зафиксированы на 1300 г., были построены еще в середине XII в., а в отдельных случаях было неопровержимо доказано, что они построены гораздо позже. Не является вероятным и утверждение Рёрига о том, что вся площадь, занимаемая Любеком, – 135 гектаров – подвергалась официальному планированию, согласованному консорциумом. После своего основания в 1159 г. город несомненно включал в себя лишь ограниченный район вокруг большого прямоугольного рынка, который окружали лавки. В северо-восточном

его углу появились торговые ряды, а вскоре и ратуша. Прimitивное поселение 1143 г. оставалось отдельным на участке, который невозможно точно очертить, – возможно, оно находилось возле церкви Святого Петра. Другие отдельные поселения возникли на севере полуострова, вокруг герцогского замка; они выходили на перешеек. На юге же, у впадения Вакеница в Траве, появился церковный квартал. Наконец, Рёриг, как и многие другие ученые, склонен был преувеличивать роль основателей, стремившихся основать город совершенно нового типа, целиком привязанный к крупномасштабной международной торговле (Fern-handelsstadt). Его критики, напротив, придавали большое значение той роли, какую сыграли при основании города герцог и его приближенные, а также влиянию вестфальских образцов и многочисленных черт, позаимствованных у более ранних городов. Несмотря на эти поправки, гипотеза Рёрига, вполне состоятельная во многих отношениях, долгое время служила стимулом для исследования важного аспекта средневековой истории. Ее отголоски ощущаются и сегодня.

Население нового города стремительно росло. К его обитателям, вернувшимся из Лёвенштадта, присоединялись жители Старого Любека, который к тому времени прекратил свое существование. Возможно, ряды горожан пополняли и немецкие купцы из Шлезвига, уничтоженного в 1156 г., а также жители Бардовика, намеренно снесенного самим герцогом, решившим оказывать предпочтение Любеку всеми

доступными ему средствами. Уже в 1160 г. он добился перевода Ольденбургской епархии в Любек, а вскоре после того почти одновременно началось строительство кирпичных церкви Святой Марии возле рынка и собора. С того времени в течение нескольких веков в городе наблюдался устойчивый рост населения. С запада, главным образом из вестфальских городов, приезжали ремесленники и купцы. Эти иммигранты или селились в Любеке, или, прожив там какое-то время, снова пускались в путь к новым городам на Балтике, на остров Готланд или в Швецию. Так как город, в сущности, был центром торговли, Генрих Лев, не теряя времени, предоставил свою защиту русским и скандинавским купцам, которые часто навевывались туда, а также освободил любекских купцов от пошлин на всей территории Саксонии.

Для процветания Любеку важно было примириться с Гольштейном и положить конец набегам язычников. В 1160 г. Генрих Лев подчинил себе всю территорию бодричей. Их вождь, Никлот, погиб в бою. Кроме того, Генрих Лев захватил Шверин, где учредили епархию. Однако через 4 года Прибыслав, сын Никлота, несмотря на обращение в христианство, снова попытался поднять восстание. Но его мятеж был последним. В 1167 г. он пошел с немцами на мировую и признал себя вассалом Генриха Льва. Тот дал ему в ленное владение Мекленбург, область бодричей. Этот лен, который в 1348 г. стал герцогством, оставался в руках потомков славянского князя до XX в. С тех пор была обеспечена связь

Любека с морем, и торговый путь стал легче благодаря присоединению сельской местности, главным образом по берегам Траве. В последующие столетия город неуклонно расширялся.

Городские учреждения развивающегося поселения известны главным образом из «почетных привилегий» (*jura honores-tissima*), подтвержденных в 1188 г. Фридрихом Барбароссой. Не похоже, чтобы граждане самоуправляемого города образовали объединение под присягой. Герцог наделил город определенными экономическими и административными полномочиями. Главным образом горожане (объединение граждан) управляли созданным там монетным двором. Из объединения граждан образовался городской совет, хотя его существование можно доказать лишь начиная с 1201 г. По предоставленному герцогом Зостскому городскому праву горожане оставляли себе часть прибыли от отправления правосудия. Кроме того, их мог судить только городской судья (*advocatus*), назначаемый герцогом. В дальнейшем привилегии были расширены.

Однако после конфликта с императором Фридрихом Барбароссой Генриха Льва в 1180 г. судили и лишили почти всех владений. Любек оказался в щекотливом положении. Так как город сохранил верность герцогу, Фридрих Барбаросса лично осадил его; тем не менее он признал подчинение Любека и подтвердил его привилегии. Имперское покровительство стало первым шагом к статусу имперского города,

предоставленному Фридрихом II в 1226 г. Но император был далеко, а граф Гольштейна, воспользовавшись разделом герцогства Саксония, в 1192 г. заново восстановил свою власть над городом. Его амбиции служили источником постоянной угрозы для независимости Любека.

Еще более серьезная опасность внезапно возникла в конце столетия со стороны Дании. Вальдемар Великий, объединивший королевство, а также его сыновья, Кнуд IV и Вальдемар II, приступили к завоеваниям. Воспользовавшись слабостью германской короны, они навязали свое господство правителям Мекленбурга и Померании. Любек вначале сопротивлялся завоеванию. Но когда пришло известие, что торговую флотилию, направлявшуюся на ярмарку в Сканию, захватили датчане, город сдался. Взамен подтверждения привилегий Любек признал Вальдемара Победителя своим господином. Последний затем захватил Гольштейн, навязал свое владычество Гамбургу и архиепископу Бремена и начал захват Эстонии. Господство Дании в Северной Европе казалось незыблемым, тем более что молодой Фридрих II, у которого имелись и другие трудности, признал правление Вальдемара над всеми территориями за Эльбой.

Однако датская гегемония оказалась непрочной. После того как граф Шверина похитил Вальдемара и посадил в тюрьму, все захваченные земли восстали. Освобожденный, король тщетно пытался восстановить свое положение. В 1227 г. датские войска были разбиты в великой битве при

Борнхёведе, в которой, судя по всему, не последнюю роль сыграли граждане Любека, его власть была уничтожена одним ударом. В наши дни битву при Борнхёведе иногда называют событием величайшего значения, которое на века определило ход истории в Северной Европе, сравнимое с битвой при Бувине, где примерно в то же время решалось будущее Западной Европы. Подобная точка зрения преувеличена. Датское владычество в Средние века переживало длительные периоды спада, и победа не изменила бы положения дел надолго. Ясно одно: победа при Борнхёведе увеличила престиж Любека на берегах Балтийского моря.

Годом ранее Фридрих II своей грамотой расширил привилегии города. Любек получил статус имперского города (*civitas imperii*). Такой статус, которым не наделили больше ни один город за Эльбой, предоставил Любеку превосходство, которое, вместе с его материальным процветанием, закрепило ведущее положение в своих краях. Меньше чем через 100 лет после своего основания преобладание Любека проявилось в полную силу. Любек был самым густонаселенным и преуспевающим городом Северной Европы; его корабли бороздили Балтийское и Северное моря, его купцы торговали в русских землях, Скандинавии и Англии. В истории средневековых городов едва ли можно найти другой пример такого внезапного и такого блестящего успеха.

Готландское сообщество

Основатели Любека в первую очередь стремились вести морскую торговлю. Горожане немедленно начали строить корабли, чтобы купцы, проживавшие в городе или приезжавшие из внутренних областей, могли совершать рейсы на остров Готланд и на Русь. Возможно, уже тогда – и точно несколькими годами позже – в гавани Любека строились первые когги (одномачтовые палубные парусные суда). Эти суда нового типа появились во второй половине XII в.; в XIII и XIV вв. когги стали основным типом судов ганзейского флота. Благодаря широкому корпусу и легкости в управлении когг оказался лучше приспособленным к ведению торговли и колонизации, чем скандинавские суда.

Все, кто хотел торговать на Балтике, должны были договариваться с готландцами. Генрих Лев это понимал. Он примирил немцев и готландцев, находившихся в состоянии войны, заставил их поклясться в вечной дружбе (1161) и подтвердил привилегии, предоставленные последним в герцогстве Саксония Лотарем III. С того времени немецкие купцы могли ездить на остров Готланд. После основания Любека они по инициативе Генриха Льва, признавшего их вождя Олдериха своим представителем и предоставившего ему законные полномочия, сходные с теми, какие готландцы получили в Саксонии, образовали сообщество, скрепленное присягой.

Так было основано Сообщество немецких купцов, регулярно посещавших Готланд (*universi mercatores imperii Romani Gotlandiam frequentantes*), которое можно считать своего рода прообразом Ганзы. В Сообщество входили купцы не только из Любека, но и из вестфальских и саксонских городов. Уже в 1165 г. купцы из незначительного городка Медельбах торговали на Руси. Постепенно к ним присоединялись купцы из новых городов, основанных на славянских землях в Прибалтике. К сожалению, наши источники почти не указывают на состав Сообщества. Судя по всему, каждый год купцы из разных городов выбирали старшину (*Oldermann*) и клялись соблюдать устав Сообщества и оказывать друг другу помощь. Возможно, на старейшей любекской печати (впервые оттиснутая на документе в 1226 г.), на которой изображены два человека на борту корабля, приносящие присягу, представлена именно эта сцена. В XIII в. во главе Сообщества стояли четыре старшины, которых выбирали соответственно купцы Любека, Висбю, Зоста и Дортмунда. Они обладали теми же полномочиями, которые позже получали главы ганзейских контор. Они вершили суд над своими товарищами и по необходимости выступали их представителями перед зарубежными властями. Сообщество имело свою печать, украшенную геральдической лилией. Возможно, она символизировала королевскую защиту, которую получили купцы, поскольку на некоторых печатях Генриха Льва и императора Генриха IV также присутствует эта эм-

блема.

Несмотря на падение Генриха Льва и растущую слабость имперской власти, Готландское сообщество, при поддержке городов-участников, стремительно развивалось. Хотя вначале средоточием их деятельности оставался остров Готланд, вскоре члены Сообщества следом за скандинавами отправились в прибрежные страны сначала на Балтийском, а затем и на Северном море. Они торговали, закладывали поселения, получали привилегии от местных правителей и заключали с ними торговые договоры, которые скрепляли печатью Сообщества.

Однако сама важность Готланда объясняет, почему многие немецкие купцы вскоре решили переселиться туда навсегда, а не наносить визиты время от времени. Они обосновались в Висбю, на западном побережье острова, где уже имелось поселение скандинавов. В середине XII в. там построили несколько церквей. Неизвестно, когда и почему на Готланде основали немецкий город, на печати которого также присутствует геральдическая лилия, но с надписью: *Sigillum Theu-tonicorum in Gutlandia manentium*. Более того, вскоре начали различать купцов, которые просто посещали остров (*frequen-tantes*), и тех, которые жили там постоянно (*manentes*).

И скандинавское поселение, в свою очередь, превратилось в город с собственной печатью, на которой был изображен ягненок. Таким образом, Висбю стал двойным городом,

в котором у каждого сообщества вначале был свой совет; вскоре две половины слились, но все принимали как должное, как позже в шведских городах, что советников следует выбирать среди представителей обоих народов. С другой стороны, по некоторым сведениям, городской свод законов с самого начала был общим для всего города.

Висбю стал весьма оживленным центром торговли. Очевидно, ее стимулировали ярмарки, на которых купцы, поселенцы, миссионеры и крестоносцы пополняли запасы перед тем, как отправиться на Русь или в Швецию. Его развитие шло стремительно и сравнимо с развитием Любека. К середине XIII в. город был окружен каменной стеной длиной в 11 200 футов; он занимал площадь примерно в 90 гектаров. В наши дни там еще можно видеть развалины 18 средневековых церквей. Самая большая, церковь Святой Марии, которую построили немцы между 1190 и 1225 гг., была приходской церковью немецкой общины. Благодаря материальному процветанию Висбю росло и его политическое влияние. Город все чаще выступал от имени всего Готландского сообщества и защищал интересы немецких купцов на Руси. Именно в Висбю представители новгородской конторы ежегодно отдавали на хранение казну. Городской совет Висбю выступал в качестве апелляционного суда в спорах, которые возникали в самой конторе. Но эти притязания вступали в противоречие с притязаниями Любека, который с конца XIII в. получал признание своего превосходства почти от всех немец-

ких городов. Процветание Висбю окончилось так же внезапно, как и началось.

Экспансия на Русь и в Ливонию

Одновременно с регулярным посещением Готланда многие немецкие купцы следом за скандинавами отправились на Русь. Их привлекал Новгород, важный рынок восточных товаров, мехов и воска, который тогда находился на пике процветания. В Новгороде немцев вначале не отличали от готландцев со «двора Олафа». Сохранился текст торгового договора, заключенного в 1189 г. князем Ярославом с немцами и готландцами совместно. В договоре оговаривались некоторые привилегии для русских купцов, Ярослав гарантировал им защиту жизни и товаров, а также предоставлял определенные льготы. Но в некоторых статьях договора даже в такой ранний срок к немцам обращаются отдельно. Это старейший известный договор, заключенный ганзейскими купцами с иностранным князем, но в нем упоминается какой-то более ранний договор.

По мере того как немцев в Новгороде становилось все больше и князь Константин в 1205–1207 гг. предоставил им привилегии, купцы приобрели на краю рыночной площади участок земли, который получил название «Немецкого подворья» или «Петрова подворья» (Peterhof). В конце XII в. они уже построили там каменную церковь. Скорость, с какой

немецкие купцы проникали в русские земли, паразитерна. Ее можно объяснить лишь услужливостью готландцев, которые, по крайней мере вначале, строго придерживались условий пакта с Генрихом Львом и выступали в роли советчиков, хозяев и собратьев-купцов в Новгороде для тех, кто позже совершенно их вытеснит.

Самые ранние правила для «Немецкого подворья», составленные примерно в середине XIII в., дают некоторое представление о структуре первой конторы и о трудностях похода в Новгород. Корабли и купцы, прибывающие с Готланда, собирались в устье Невы у острова Котлин (Кронштадт). Там выбирали старшину, который в пути управлял всем караваном. Товары обычно перегружали на суда помельче. После того как на борт поднимались русские лоцманы, корабли поднимались вверх по Неве через необитаемые земли, где им угрожали шведские и карельские пираты. Они выходили в Ладожское озеро и заходили в порт Ладога, возле которого им принадлежали церковь и кладбище. Там необходимо было снова перегрузить товары, так как на Волхове было много порогов. Работы велись с помощью корпорации владельцев буксирных судов (*vorschkerle*). Наконец, немецкие «гости» прибывали в Новгород.

Похоже, с самого начала такое путешествие совершали две разные группы купцов. Представители первой группы, «зимние гости» (*Winterfahrer*), отправлялись в путь зимой, а второй группы, «летние гости» (*Sommerfahrer*), – летом. Те,

кто прибывал осенью, зимовали на «Немецком подворье», поскольку зимой можно было купить лучшие меха. В обратный путь они выходили весной с первой оттепелью, обычно до прибытия летних купцов, которые оставались в городе на более короткий срок, до начала осени. Поэтому в определенный период времени подворье пустовало: два ключа, которыми оно открывалось, передавались на хранение архимандриту Новгородскому и аббату монастыря Святого Георгия. С другой стороны, купцы забирали сундук с казной, который они отдавали на хранение в Висбю, а четыре ключа, которыми сундук отпирался, поручались четырем старшинам Готландского сообщества из Висбю, Любека, Зоста и Дортмунда. Сначала до Новгорода можно было добраться только по рекам. Но в новгородской летописи имеется запись от 1201 г. о героическом прибытии группы немецких купцов, которые пришли большей частью по суше со стороны Двины. Позже появились «сухопутные гости» (Landfahrer). Они отправлялись в путь как зимой, так и летом; выходили из Риги или Ревеля и шли через Псков, время от времени присоединяясь к группам тех, кто добирался до Новгорода водным путем («водные гости», Wasserfahrer). Судя по всему, последние сохраняли некоторое преимущество перед остальными.

Новгород был не единственной целью немецких купцов на Востоке. Вскоре после основания Любека они, по-прежнему идя по стопам скандинавов, стремились распространить свою деятельность на прибалтийские страны и дальше. На-

правляясь вверх по Двине, они проникали на русские рынки в Полоцке, Витебске и, главное, Смоленске в верхнем течении Днепра. Но тамошние условия сильно отличались от новгородских. Прибалтийские страны населяли племена, которые еще были языческими: литовцы на юге, ливы и летты в нижнем течении Двины, эстонцы на берегу Финского залива. Поэтому торговля там была сопряжена с большим риском и коммерция велась рука об руку с обращением в христианство, завоеванием и основанием новых городов.

Начиная с 1184 г. Майнхард, готландский миссионер, который пришел с несколькими спутниками из Гольштейна, обратил в христианство ряд ливонцев и построил церковь в Юкскюлле в нижнем течении Двины. Через два года архиепископ Бременский, мечтавший продолжить великую традицию церковной экспансии на север, сделал его епископом Ливонским. Но скоро стало очевидно, что только полномасштабный Крестовый поход способен обеспечить христианизацию края. Новый епископ, Альбрехт (1199–1229), доказал свою ценность, взяв на себя эту задачу и доведя ее до успешного завершения. Он добился поддержки папы Иннокентия III, короля Германии Филиппа Швабского, короля Дании, который в то время владычествовал над Северной Германией, архиепископа Лундского и города Любека. Главное же, он заручился активной помощью Готландского сообщества, которое оснастило сотни крестоносцев и обеспечило их доставку в Ливонию.

Экспедиция оказалась успешной. В 1201 г. Альбрехт основал Ригу, разместил в городе купцов и укрепил его. Кроме того, он ввел там право Висбю. Позже его заменило гамбургское право, которое, в свою очередь, было заменено любекским. Ригу сделали епархией, отдельной от церковной провинции Бремен. В 1245 г. она стала архиепархией. Для завершения завоевания и обеспечения защиты края в 1202 г. был создан военный орден, Братство воинов Христа (*Fratres Militiae Christi*), который в народе назывался орденом меченосцев от изображения на их плащах красного меча с крестом тамплиеров. Важно, что вступать в новый орден имели право не только аристократы, но и купцы. Несмотря на сопротивление язычников, завоевание прибалтийских стран прошло сравнительно легко. Повсюду оно сопровождалось основанием торговых факторий. Такие фактории появились, например, в Дерите, который в 1224 г. стал городом и центром епархии, и в Ревеле, где в 1230 г. обосновались 200 немецких купцов бок о бок с датскими и шведскими колонистами.

В этом процессе колонизации немецкие купцы, либо как солдаты, либо как торговцы, играли весьма важную роль. Они не собирались позволять архиепископу или меченосцам забирать все их политические права. Так, в 1226 г., когда предприняли Крестовый поход на остров Эзель, папский легат решил, что город Рига должен получить треть добычи. Город передал Готландскому сообществу половину его доли,

которая состояла в землях к югу от Риги, на Курляндском побережье, на Эзеле и в Эстонии.

Однако преобладающее влияние странствующих купцов оказалось кратковременным. Как и на Готланде, ливонские города, предоставив купцам равные права со своими гражданами, постепенно вводили для них ограничения. В тех краях первостепенное значение имели сильные оборонительные укрепления. В 1236 г. литовцы нанесли сокрушительное поражение меченосцам, и опасность угрожала обращению в христианство и колонизации в целом. Дело спасло то, что язычникам не удалось воспользоваться удачной возможностью, а также вмешательство Германа фон Зальца, великого магистра Тевтонского ордена, который как раз отправился на завоевание Пруссии. Он спешно отправил в Ливонию отряд рыцарей, которые восстановили порядок. Выживших меченосцев приняли в Тевтонский орден, который под руководством ланд-мейстера постепенно расширял свои завоевания до Псковско-Чудского озера. Однако задачу не довели до конца. На юге экспедиции против самогитов окончились неудачей; подчинить их не удалось. В результате государство Тевтонского ордена осталось расколотым на две части, Пруссию и Ливонию. Даже в позднее время сообщение между ними осуществлялось только по морю. На севере Тевтонский орден в течение следующих ста лет обязан был признавать суверенитет Дании над Эстонией, а также подчинение своей епархии Лундской архиепархии. Датское владыче-

ство, однако, не мешало растущему процветанию немецких городов Ревеля и Нарвы, где было введено любекское право. Ревель все чаще и чаще становился базой для операций и сборным пунктом для немецких купцов, которые отправлялись в Новгород по морю или по суше.

Рыцари Тевтонского ордена не так охотно, как их предшественники, готовы были взирать на разделение власти. Они значительно ограничивали влияние и епископов, и городов. Рига и Готландское сообщество потеряли обширные территории, приобретенные ранее, а Рига стала подчиняться гамбургскому праву вместо права Висбю. Любекское право было там неприемлемым, так как Любек подозревали в распространении своих законов в политических целях. Впрочем, торговля в тех краях находилась под надежной защитой.

В глазах немецких купцов Рига в основном была перевалочным пунктом, откуда можно было отправляться в русские города в верховьях Западной Двины. В 1212 г. экспедиция, возглавляемая архиепископом Альбрехтом, вынудила полоцкого князя признать право немцев на свободный проход по реке. Воспользовавшись этой привилегией, купцы продвигались до самого Витебска, а оттуда – в Смоленск, где находился основной рынок, который поддерживал коммерческие отношения с Черным морем, Суздальским княжеством и Новгородом. В качестве привилегированного сообщества немецкие купцы приобретали дома в Смоленске и построили собственную церковь. Они даже получили пра-

во продавать в кредит – что позже было строго запрещено самой Ганзой – и торговать за пределами города. Договор 1229 г.³, из которого взяты эти сведения, интересен благодаря именам немецких свидетелей, которые гарантировали его подлинность. Туда входят четыре купца из Риги, три с острова Готланд, по двое из Любека, Зоста, Мюнстера, Дортмунда и Гронингена и один купец из Бремена. Список свидетелей служит ценным доказательством того, что в Готландское сообщество входили купцы из разных городов и все они были заинтересованы в торговле с далекой Русью.

Однако процветание немецкой фактории в Смоленске никоим образом нельзя сравнивать с новгородским. Русские города на Западной Двине, Витебск и, главное, Полоцк, вскоре настояли на своих правах основных рынков, и потому немецким купцам нельзя было вести торговлю за пределами их стен. В результате начиная со второй половины XIII в. последние все реже отправлялись в Смоленск, а Полоцк стал самым дальним пунктом, где немцы и русские встречались для торговли.

Энергия, с какой немцы стремились на Русь в поисках воска и мехов, легко объясняется большим спросом на эти товары в Западной Европе. Однако в тот период (конец XII – начало XIII в.) трудно определить, где находились главные рынки сбыта: конечно, это были немецкие города, возможно, уже Фландрия и, возможно, Шампанские ярмарки. Из-

³ Документ № 3.

вестно, что сами ганзейцы не возили туда восточные товары. Они предоставляли доставку главным образом фламандским торговцам, которые покупали их в городах Саксонии и Вестфалии. Однако точных доказательств такой «логистики» у нас нет.

Основание немецких городов на Балтике

Наряду с продвижением в сторону Готланда и Руси, определенные успехи наблюдались и в Восточной Германии. Хотя процесс колонизации там шел немного медленнее, он оказался более тщательным. Завоевания, христианизация и проникновение на местные рынки сопровождались притоком крестьян-поселенцев, особенно многочисленных в последней трети XIII в. Результатом стала германизация края вплоть до реки Одер и за ее пределами. Немцы способствовали закладке новых городов и селились даже в более отдаленных краях.

Все местные правители между Эльбой и Одером, как немцы, так и славяне, приветствовали колонистов и основание городов. Последние строились вокруг крепостей, рынков, торговых факторий и складов. Хотя процесс разнился от места к месту, общими были следующие черты: по приглашению местного властителя вокруг прямоугольной рыночной площади закладывалось поселение, а рядом с ним строились приходская церковь и ратуша. С самого начала или через

несколько лет после своего возникновения поселение считалось городом и получало конституцию и свод законов: любекское право на побережье, магдебургское право или одно из его производных в краях, удаленных от моря. Вначале подвластные земскому начальнику (Vogt), города вскоре сами начинали управлять своими делами с помощью городского совета (Rat), куда входили представители самых влиятельных семей из числа горожан. Город, находившийся под защитой замка местного феодала, обносили частоколом, который спустя некоторое время заменяли каменной стеной. Если поселение процветало, вскоре рядом с ним возникал второй и даже третий город. Такой «новый город» (niuwe stat), который иногда был лишь ненамного моложе «старого города» (olde stat), в свою очередь, получал конституцию, отдельный городской совет и собственный крепостной вал. Слияние двух городов в одно образование и строительство единой стены вокруг них обычно происходило гораздо позже.

Города редко возникали на целине. Обычно их закладывали рядом с крепостями, замком или уже существующими славянскими деревнями. Сначала в новое поселение включали и местных жителей-славян, чей статус различался в зависимости от места, но славяне, по закону или фактически, не могли получить гражданство, которое предусматривалось только для немцев. По городскому уставу, дарованному в 1257 г. герцогом Болеславом немецким колонистам, славянам запрещалось селиться даже в далеком Кракове, будущем

ганзейском городе. Запрет оставался в силе более полувека.

В XIII в. на побережье Балтики возникло множество новых городов, которым суждено было стать преуспевающими центрами торговли. В планировании и подготовке такого преуспевания видную роль играл Любек. Оттуда же часто приезжали и купцы-основатели. Первым из новых городов стал Росток. Он был основан на месте славянского поселения с собственным рынком, куда регулярно наведывались скандинавы. Рынок процветал в XII в.; но его обитатели значительно поредели из-за войны. Около 1200 г. в тех краях обосновалась колония немецких купцов, а в 1218 г. правители Мекленбурга признали поселение городом и даровали его обитателям любекское право, совет, состоящий из десяти членов, и освобождение от таможенных пошлин на территории всего княжества. Примерно в 1230 г. вокруг рыночной площади выросло второе поселение и церковь Богоматери, а позже возникли еще два небольших города. В 1262 г. герцог слил их все в одно образование, чтобы в будущем существовал только один городской совет и на всей территории применилось одно право. Около 1300 г. все поселение обнесли каменной стеной.

Висмар, хотя и находился ближе к Любеку, развивался медленнее Ростoka. Здесь около 1200 г. появилось не старейшее немецкое поселение, а второе, группировавшееся вокруг церкви Богоматери. В 1228 г. поселение получило статус города. В середине XIII в. к нему добавился еще один

новый город и всю территорию окружили частоколом, который заменили каменной стеной лишь около 1400 г. Согласно старейшему сохранившемуся городскому реестру за 1250–1270 гг., о происхождении обитателей города можно судить по их именам: половина прибыла из окружающих районов, почти треть из Гольштейна, Саксонии, Вестфалии и Нидерландов. Однако все они попадали в Висмар через Любек.

Довольно необычна история возникновения Штральзунда в Померании. Город заложили прямо на побережье, напротив острова Рюген. Он тоже образовался путем слияния трех немецких поселений, второе из которых, построенное вокруг церкви Святого Николая, стало городом в 1234 г. Новый город получил ростокское, то есть любекское, право. Штеттин на Одере ранее был большим славянским поселением. Однако уже в XII в. в нем имелось два немецких квартала. К XIII в. они, скорее всего, сильно разрослись. Поэтому в 1237 г. герцог Померании решил «предоставить городу немецкое право вместо славянского», которому тогда подчинялись его обитатели. Возможно, жители Штеттина вначале получили любекское право, но шесть лет спустя его заменили магдебургским. Закладка двух крупных портов, которым суждено было играть важную роль в Ганзейском союзе, продолжилась и в XIII в., когда были основаны несколько городов поменьше: Грайфсвальд (1241), будущий университетский город, центр епархии Каммин, Анклам, Кольберг и др.

На левом берегу Вислы находился Данциг, о древней ис-

тории которого известно довольно мало. В конце X в. на том месте имелся замок, вблизи которого в следующем столетии вырос квартал местных купцов. Немецкое поселение, несомненно появившееся с конца XII в., получило статус города при князе Святополке в 1238 г. Возможно, город получил любекское право, которое в 1343 г. заменили кульмским, производным от магдебургского. Но деловой центр Данцига развивался на месте еще одного поселения XIV в., Рехштадта, возникшего вокруг церкви Богоматери. Таким образом, город развивался не менее чем из пяти «ядер».

Вдали от побережья колонизацией активно занимались маркграфы Бранденбургские. Но в тех краях даже те города, которые вступали в Ганзейский союз, развивались медленнее из-за менее выгодного географического положения. В одном из старейших, Бранденбурге, «двойном» городе на реке Хафель, основанном в 1170 г., но объединившемся лишь в XVIII в., находилась резиденция епископа, а также размещался апелляционный суд маркграфства. Города, выросшие на противоположных берегах Шпрее, Берлин (около 1230) и Кёльн, после неудачной попытки слияния, предпринятой в XIV в., объединились лишь в 1709 г. Берлин, хотя и играл более важную роль, чем считалось ранее, благодаря торговле зерном и лесом, приобрел влиятельное положение лишь в XV в., когда стал резиденцией Гогенцоллернов. Наконец, Франкфурт-на-Одере (1253), несмотря на предместное положение на реке, долгое время оставался довольно незначи-

тельным. В тех краях города, как и те, что закладывались силами местного населения или немецких мигрантов, в Силезии и Польше, жили в основном по магдебургскому праву.

Если бы немецкая колонизация ограничилась первой спонтанной волной, германизация края закончилась бы к западу от низовьев Вислы. Но одно почти случайное событие, которому суждено было иметь непредвиденные последствия, позволило распространить колонизацию дальше на восток. Таким событием стало завоевание Пруссии рыцарями Тевтонского ордена.

Пруссы, балтийское племя, долгое время сохраняли верность своим богам. Хотя Восточное Поморье (Помереллия) и Данциг, расположенные на левом берегу Вислы, перешли в христианство уже в XI в., все попытки польских миссионеров обратить в христианство племена, жившие на правом берегу Вислы, оказывались тщетными. В 1222 г. там вспыхнуло восстание, и все достижения были сведены на нет. Епископ Пруссии, назначенный Иннокентием III, попал в плен. С тех пор пруссы участвовали свои опустошительные набеги на христианские земли. Наконец правитель Мазовии, вассал короля Польши, в отчаянии обратился к Герману фон Зальца, великому магистру Тевтонского ордена. Герман искал для своих рыцарей новое поле деятельности после того, так как орден вытеснили с Востока. После продолжительных переговоров в 1230 г. заключили соглашение. Тевтонский орден получал округ Кульм и все территории, которые

тот отвоюет у пруссов, на правах независимой и автономной собственности.

Так были заложены основы еще одного германского государства, которое еще укрепилось после 1236 г., когда были приобретены сначала Ливония, а затем Эстония. В тех краях Тевтонский орден обладал почти абсолютной властью, если не считать определенных прав, переданных епископам. Однако понадобилось более полувека военных действий, чтобы обеспечить безопасность границ и окончательно подчинить пруссов, которые с помощью литовцев оказывали ожесточенное сопротивление. Из-за этого завоевание в тех краях проводилось гораздо более жестко, чем в других местах. Прежних обитателей по большей части убили или депортировали.

Одновременно с замирением Пруссии Тевтонский орден более систематически, чем другие правители, занимался колонизацией сельских и городских районов Пруссии. Поселенцев привлекали по большей части из Силезии и Центральной Германии, откуда в первую очередь вербовались сами рыцари, а позже – из различных частей на севере Германии.

С началом колонизации на правом берегу Вислы заложили два города, Торн (Торунь) и Кульм, под охраной замков. В 1233 г. Герман фон Зальца дал им грамоту (Kulmer Handfeste), на основании которой позже предоставлялись льготы другим прусским городам. Кроме того, новые горо-

да получали обширные земельные владения, часть доходов от отправления правосудия, магдебургское городское право и определенную степень административной автономии. При этом Тевтонский орден сохранял контроль над укреплениями и переложил на плечи горожан тяжкое бремя воинской повинности. Судьба двух городов складывалась по-разному. Великий магистр рассчитывал, что Кульм станет столицей Пруссии. Он сделал Кульм резиденцией епископа и местом заседаний апелляционного суда. Однако его планам не суждено было сбыться, и Кульм оставался второстепенным городком. Зато Торн, который находился на границе с королевством Польским, быстро рос и преуспевал благодаря товаропотоку по Висле. В XIV в. Торну предстояло стать самым влиятельным прусским городом после Данцига.

Хотя Любек в тех краях не играл почти никакой роли, он принимал активное участие в возникновении прибрежных городов. Любекские корабли поддерживали экспедиции Тевтонского ордена, а его купцы внесли существенный вклад в основание Эльбинга (1237) на восточном рукаве Вислы, неподалеку от древнего поселения Трусо; в результате в городе, единственном во всей Пруссии, действовало любекское право. Вплоть до середины XIV в., когда функции Эльбинга взял на себя Данциг, Эльбинг считался главным прусским портом. В 1337 г. он был расширен благодаря новому поселению, которое объединилось со старым лишь в 1478 г. Наконец, на Земландском или Самбийском полуострове, по-

следнем регионе, завоеванном Тевтонским орденом, на реке Прегель заложили Кёнигсберг, который, судя по всему, получил свое название в честь короля Оттокара Богемского, участника Крестового похода 1255 г. Кёнигсберг возник на месте трех городских поселений; в одном жили рыцари Тевтонского ордена, в другом находилась резиденция епископа, а в третьем селились купцы. Поселения объединились лишь в 1724 г.

Характерные черты прусских городов объясняются особенными обстоятельствами их основания. Они более регулярны в плане, чем города, расположенные между Эльбой и Одером; их улицы расположены в безупречном шахматном порядке. То же можно видеть в Бреслау и Кракове. Кроме того, долгое время эти города сохраняли ярко выраженный военный характер с замками и укреплениями. Наконец, их строгое подчинение великому магистру Тевтонского ордена объясняет, почему последнего позже приняли в Ганзейский союз, – он стал единственным территориальным правителем, который получил такую привилегию.

Экспансия в Скандинавию

Деятельность купцов Любека и Готландского сообщества главным образом была направлена в сторону Руси. Но вскоре они обратили свои взоры и на Скандинавию. Волна немецкой миграции в XIII и XIV вв. была направлена главным об-

разом в города полуострова. Размах «экспансии на Восток» и ее политические последствия не затмевают «экспансии на север», которая едва ли уступала первой по своему значению.

Почти сразу же после основания Любека город завязал торговые отношения со Швецией. После 1173 г. Генрих Лев заключил договор с Кнудом Эрикссоном, по которому шведы освобождались от таможенных сборов в Любеке. Начиная с того времени в Швецию начали переезжать немецкие иммигранты. Похоже, что там они весьма способствовали развитию городов. До их приезда города в Швеции только начинали развиваться; жители поселений, которые были довольно небольшими, формировали зачатки городских общин под властью королевского управляющего (galkare), которому помогали руководители административных районов. Немцы ввели повсюду городские советы по образцу тех, что существовали в их родных городах. Как и на востоке, они обычно селились группами, либо в уже существующем городе, либо по соседству с ним, вокруг прямоугольной рыночной площади, рядом с которой они строили свою церковь. В шведские города приезжали не только купцы, но и немецкие ремесленники. О степени их значимости свидетельствуют многочисленные немецкие заимствования в шведском языке; главным образом они связаны с обозначением тех или иных ремесел.

Сначала немцы мигрировали на юг Швеции, особенно в

Кальмар, который стал по своей сути вполне немецким. Начиная с середины XIII в. они селились главным образом в Центральной Швеции. Призванные регентом, ярлом Биргером, немцы, судя по всему, играли важную роль в основании Стокгольма (около 1251 г.). Создание этого города преследовало двойную цель: политическую, чтобы укрепить новую династию Фолькунгов, и экономическую. Стокгольм призван был оживить торговлю в краю, пострадавшем после разрушения Сигтуны в 1187 г. Ярл Биргер и его преемники всячески старались привлечь в Швецию немецких купцов и ремесленников, чтобы новый город получил выгоды от их богатства, энергии и технических познаний. В шведских хрониках короля Магнуса обвиняют в избыточной благосклонности к иностранцам.

Возвышение Стокгольма и Центральной Швеции во второй половине XIII в. ускорило благодаря открытию медных рудников в Фалуне. Похоже, что и там немаловажную роль сыграли немцы. В те края переселялись шахтеры из Гарца. Даже шведские историки согласны с тем, что по своему типу тамошние шахты напоминают шахты в Раммельсберге в окрестностях Гослара. В тот период немецкие названия появляются во всех городках шахтерской местности. Особенно следует выделить Вестерос, центр торговли медью. В тамошний городской совет входили шесть немцев и шесть шведов. Известно, что в XIV в. граждане Любека владели долями шведских рудников.

Хотя не похоже, чтобы немцы образовали большинство населения в каком-либо шведском городе, их влияние в ремесленных цехах и в торговле, а потом и в городских органах управления, в течение долгого времени было преобладающим. В 1345 г. король издал указ, согласно которому городские советы должны были состоять наполовину из шведов и наполовину из немцев. Данное правило даже в более поздние годы часто нарушалось в пользу немцев.

Большое количество немецких иммигрантов и их ведущая роль в коммерции представляли серьезную угрозу национальному развитию Швеции. Экономика страны могла попасть в слишком большую зависимость от Ганзы. Однако опасности удалось избежать. Во-первых, Швеции, в отличие от Норвегии, удавалось развивать сельское хозяйство, особенно животноводство. Населению страны не приходилось зависеть от импорта немецких зерновых. Во-вторых, главной причиной стало то, что шведский королевский дом с самого начала стремился ассимилировать иностранцев, а не предоставлять им привилегии в ущерб своим подданным. Уже в 1251 г. в договоре, заключенном ярлом Биргером, имелось условие: уроженцы Любека, которые обосновались и живут в Швеции, «обязаны подчиняться законам страны и должны отныне именоваться шведами». Данное мудрое предписание призвано было предотвратить образование немецких общин, привилегированных пусть и не по закону, но фактически, и поощрить слияние двух наций. В небольших городах внут-

ри страны такое слияние завершилось в XIV в.; в более же крупных городах оно реализовалось лишь в конце XV в.

В Дании, особенно в Шлезвиге, что вполне естественно, немецкие иммигранты были еще многочисленнее, чем в Швеции. В Шлезвиге немцы подчас составляли большинство городского населения: на это указывает, в частности, городское право Тондерна (1243), основанное на Любекском праве и написанное на нижненемецком языке. Даже на островах, особенно в Копенгагене, среди купечества и ремесленников преобладали жители немецкого происхождения. И все же Дания не имела большого значения для ганзейских купцов, которые почти ничего там не покупали, кроме крупного рогатого скота.

Совершенно другим было положение в Скании благодаря промыслу сельди. По свидетельству Саксона Грамматика (конец XII в.), на западном берегу полуострова сельдь водилась в таком изобилии, что ее можно было ловить руками и она мешала судоходству. Рыбные промыслы там определенно были очень старинными. Но крупная торговля соленой рыбой началась лишь после того, как Любекие купцы стали возить туда соль из Люнебурга. О ранних этапах этого промысла почти ничего не известно, лишь то, что центром его была ярмарка в Сканере, на полуострове, носящем то же название; возможно, речь идет о самом начале XIII в. Вскоре к купцам из Любека присоединились другие из городов Саксонии и Вестфалии, а потом из портов, появившихся на

побережье Балтийского моря, даже таких дальних, как Данциг и Рига. Некоторые из городов приобрели участки земли возле Сканера – по-датски они назывались *ved*, а по-немецки *vitte*. Там происходила засолка и заключались сделки во время ярмарки.

Ближе к середине XIII в. ярмарка в Скании стала международной, потому что ее начали посещать норвежцы, англичане и голландцы. В текстах их называют «кругосветными мореплавателями» (*umlandsfarer*), потому что их корабли шли в обход Ютландии. Хотя соленая рыба оставалась самым важным товаром, на ярмарке продавались также шерстяные и льняные ткани, соль, зерно, шкуры и пиво. Однако процветание Скании было недолгим. Вскоре немцы поняли, что сканская международная ярмарка составляет конкуренцию их собственной торговле между востоком и западом. К концу XIII в. им удалось добиться запрета на проход в Балтийское море для фламандских, фризских и английских кораблей, и в Скании остался только сельдяной рынок, который монополизировали ганзейцы.

В Норвегии первые упоминания о купцах из Любека относятся примерно к концу XII в. И здесь они шли по пятам скандинавских купцов и приехали в Берген, самый оживленный порт в стране, который давно налаживал торговые связи с Бременом. Представители Любека торговали рожью, мукой и солодом для сушеной трески, рыбьим жиром, маслом и кожами. Неизвестно, как начинались эти отношения, но пись-

мо Хокона IV (1248), в котором он просит Любек о поставках зерна, чтобы избежать сильного голода, доказывает, что к середине XIII в. Западная Норвегия уже зависела от поставок продовольствия с севера Германии. Если же вспомнить, что в XII в. норвежцы успешно торговали со всеми странами, имевшими выход к Северному морю, невольно испытываешь удивление. Похоже, что с тех пор население страны существенно выросло, а норвежским фермерам не только не удалось увеличить урожай, но и, из-за конкуренции со стороны зарубежного зерна, им пришлось переключаться на другие виды деятельности, чему король тщетно пытался помешать своим указом (1260). Более того, традиционные норвежские суда не были приспособлены для перевозки больших количеств рассыпных продуктов.

Любек не преминул воспользоваться таким благоприятным положением. Любек и другие вендские города получили важные привилегии. Им разрешалось торговать как оптом, так и в розницу. Купцы освобождались от государственных пошлин. По закону им предоставлялась охрана. Доминирование немцев вскоре стало настолько заметным, что короли пытались избавиться от него, но проба сил (1284) привела лишь к консолидации ганзейского превосходства в Норвегии.

Торговая экспансия на Запад

Начиная с XIII в. немецкая торговля начала проникать за пределы Северного моря, в Англию и Нидерланды, хотя, в отличие от восточных и северных регионов, еще не принимала формы обширной иммиграции и колонизации. Она сохраняла строго коммерческий характер по мере того, как группы купцов устанавливали все более тесные отношения с английскими портами и с Брюгге.

Как мы видели, Кёльн и Бремен уже давно торговали с Англией. Новым в XIII в. стало появление в Северном море, в стремительно растущих количествах, купцов с востока Германии – позже их стали называть «истерлингами» или «остерлингами». Главным образом, они прибывали из Любека, но были также купцы из Висбю, из таких прибалтийских портов, как Росток, Штральзунд, Эльбинг и Рига, а также из удаленных от моря саксонских городов. Они еще не добирались до Англии напрямую с Балтики. Путешествие вокруг Ютландии казалось слишком долгим и опасным, поэтому они добирались из Любека в Гамбург по перешейку, а дальше отплывали в Англию или Фландрию. Регулярные морские рейсы из Балтийского в Северное море появились лишь во второй половине XIII в. Немецкие купцы брали пример с английских и фламандских кораблей, которые посещали ярмарки в Скании.

После приобретения своих первых привилегий в Лондоне в 1157 г. кёльнские купцы значительно расширили сферу деятельности в Англии. Они воспользовались политическим союзом между династиями Вельфов и Плантагенетов. В 1175 г. они получили право свободной торговли по всему королевству, и Ричард Львиное Сердце, в благодарность за три корабля, которые немцы оснастили для его Крестового похода, освободил их лондонское подворье от всех налогов. Судя по всему, в начале XIII в. жители Любека и купцы из других городов с востока Германии начали регулярно посещать английские порты. Сначала их корабли заходили в Ярмут, Линн, Гуль и Бостон, а затем в Лондон; возможно, там они тоже шли по стопам готландцев.

Вполне естественно, кёльнские купцы не обрадовались притоку новичков; они смотрели на «истерлингов» как на незваных гостей. Их неприязнь была столь очевидна, что Фридрих II счел нужным вмешаться. В грамоте, которую он даровал Любеку в 1226 г., он призывал кёльнцев прекратить преследовать граждан города Любека, которым он предоставил равные привилегии с кёльнскими купцами. Уступки не имели большой практической ценности, но английские короли не могли не относиться доброжелательно к иноземцам, которые привозили в страну восточные товары: воск и меха. В 1237 г. Генрих III подтвердил привилегии купцов Готландского сообщества и освободил от таможенных сборов все товары, которые они покупали или продавали в его владении.

ях. Тридцать лет спустя, поскольку дела «истерлингов» шли в гору, король наделил их равными правами с кёльнскими купцами. В 1266 г. купцам из Гамбурга, а на следующий год – из Любека предоставили право образовать свою Ганзу по примеру кёльнских купцов. Именно в этих двух документах впервые встречается слово «ганза», применяемое по отношению к группам купцов с севера Германии.

Долгое время предоставленных привилегий оказывалось недостаточно для того, чтобы положить конец распре между Кёльном и Любеком. Конечно, непросто было добиться согласия между интересами давней рейнской торговой оси и новой оси Восток – Запад, поистине ганзейским торговым путем. Однако вскоре все они признали, что существование трех конкурирующих сообществ пагубно отражается на них. Особенно остро недостатки ощущали вестфальцы, которые занимались как торговлей по Рейну, так и с Востоком. Поэтому они взяли на себя роль посредников. В 1281 г. им удалось наконец достичь примирения. С тех пор в Лондоне официально существовала одна «немецкая Ганза», управляемая старшиной, которого выбирали сами купцы, а на должности утверждал город. Важно, что в тот решающий год старшиной и тремя его преемниками становились уроженцы Дортмунда. В том же году мэр Лондона предоставил им привилегии. Известно, какие обязательства накладывались на немцев: они платили ежегодную ренту в размере 40 шиллингов за свое место собраний, а также участвовали в охране и ре-

монте одних городских ворот, Бишопсгейт.

По сути, три конкурирующие группы немецких купцов образовали федерацию. Истинное слияние произошло лишь в XV в. Кёльнские купцы вместе с купцами Динана сохраняли исключительный контроль над ратушей, и после 1324 г. они больше не принимали к себе купцов из других немецких городов. Тем приходилось строить собственные здания на «Стальном дворе». Тем не менее можно сказать, что в 1281 г. в Лондоне учредили ганзейскую контору.

Лишь сравнительно поздно, в первые годы XIII в., первые немецкие купцы из Кёльна появились во Фландрии. Удивительно, учитывая короткое расстояние от Рейнской области. Кроме того, Брюгге всегда занимал уникальное место в истории Ганзы. Очевидно, такая аномалия объясняется конкуренцией со стороны фламандских купцов. Они по-прежнему активно вели дела не только в Кёльне, но и в Бремене, и в Гамбурге, и в Саксонии, и даже в городах Прибалтики.

Однако во второй четверти XIII в. количество немецких купцов, которые регулярно посещали Брюгге и другие порты на Звейне, значительно возросло. Купцы из Кёльна и Вестфалии, скорее всего, добирались туда по суше, а большинство купцов из Бремена, Гамбурга и Любека приплывали морем. В противовес тому, что случилось в Лондоне, между купцами из Кёльна и Любека во Фландрии не возникало никаких конфликтов. У первых не было давних привилегий, которые они могли бы отстаивать; в городах Фландрии они

главным образом торговали в розницу своими винами. А для покупки сукна с целью его последующей перепродажи в Англии больше подходили другие города Фландрии и Брабанта.

Растущее значение немецкой колонии во Фландрии доказывается любопытным проектом, одобренным Маргаритой, графиней Фландрии, в 1252 г.: основание привилегированного купеческого квартала возле Дамме, в котором должны были вместе проживать немецкие купцы. Этот «Новый Дамме» стал фламандским аналогом лондонского «Стального двора» и новгородского «Петрова подворья». Однако замысел осуществить не удалось, может быть, из-за чрезмерных требований, которые выдвигали немцы, и отсутствия особого желания со стороны граждан Брюгге. Скорее всего, их возмущало появление в городе группы привилегированных иностранцев. Может быть, и немцы, разбросанные по разным портам на Звейне, поняли, что в рассеянии есть свои преимущества. Какой бы ни была причина, в результате в Брюгге появилась лишь одна из четырех крупных ганзейских контор. Кроме того, в Брюгге немцы не уединялись в отдельном квартале, а жили среди местного населения. Такое решение не могло не привести к важным последствиям не только для торговли, но и для культурных контактов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.